

Илья
Бояшов

*Илья
Бояшов*

ПОРТУЛАН

Новеллы

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУВИНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АСТ

МОСКВА

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б86

Художник *Андрей Рыбаков*

Бояшов, Илья Владимирович.

Б86 Портулан : повести / Илья Бояшов. — Москва :
Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной,
2018. — 317, [3] с. — (Классное чтение).

ISBN 978-5-17-109455-3

Илья Бояшов — прозаик, лауреат премии «Национальный бестселлер», автор книг «Путь Мури», «Танкист, или “Белый тигр”», «Эдем», «Джаз», «Армада».

Герой новой повести «Портулан» одержим музыкой. Она ведет его из барачной нищеты во дворец на Рублевке, который нужен ему только как хранилище огромного количества пластинок и для реализации невероятного замысла — прослушать их все одновременно...

«Сюсай Хонинобо писателя Кавабаты, набоковский Лужин, Великий Гэтсби Фицджеральда — кто они? Гении? Оригиналы? Или просто люди, живущие в своем космосе? “Портулан” — повесть о праве человека на подобное “сумасшествие”, праве, которое у него никто не может отнять» (Илья Бояшов).

В книгу вошли повести «Портулан» и «Каменная баба».

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109455-3

© Бояшов И.В., 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ΠΟΡΤΟΥΛΑΝ

Своему отцу посвящаю

Какое мне дело
До всех до вас?
А вам до меня!

*Песенка Бена из кинофильма
«Последний дюйм»*

I

Если вы не знаете, что такое портулан, постараюсь объяснить: это... Впрочем, не стоит забегать вперед. Поначалу расскажу о Слушателе. Конечно же, прежде всего хочется поведать вам о моем знакомом, и поведать весьма основательно: так вот, он не был красавчиком. Представьте себе лоб в настоящих лунных кратерах (следы от выдавленных прыщей), глазки, близко посаженные к переносице, которые принято называть пороссячьими, и самые что ни на есть стандартные уши. Слушатель имел средней величины раковины с обыкновенными мочками, козелками и противокозелками. Правда, на задней стороне левого уха присутствовал дарвинов бугорок, но в остальном ничего особенного: его банальные *aures* нельзя было даже сравнивать с великолепными, просвечивающими

на солнечном свете, словно кусочки нежнейшей ветчины, оттопыренными лопухами чистопородных англичан. Кстати, о породе: отец и мать этого странного человека были обыкновенными алкоголиками. Тем удивительнее оказались поистине сверхчеловеческие способности Слушателя к математике, подозреваю, не раз наводившие педагогов на мысль о сделке их ученика с дьяволом.

С 1976 по 1986 год мы сидели за одной партией в школе старинного городка, прозябающего на берегах дремотной, затянутой ряской реки. Из окон музыкального кабинета нашей *альма-матер* одним взглядом можно было охватить все его скверы, бараки и дымящие фабрики. Бедный, несчастный Вейск, заповедник казарм и рюмочных! Своим расплывшимся по улицам, словно лава, доисторическим асфальтом, рассыпающимися домами и заколоченным на радость чертям всех мастей собором, от одного вида которого непременно получил бы инфаркт любой реставратор, он вопиял о невозможности построения коммунизма в одной отдельно взятой стране — правда, местная власть имела на этот счет совершенно иное мнение.

Обозначу скуными мазками дряхлый парк, в котором буйствовала сирень, и облупленный бюст Тургенева на единственной парковой аллее. Главная площадь — место сбора рабочих колонн и гарнизонных батальонов во время государственных праздников — милосердно развела по сторо-

нам дышащий на ладан дом престарелых и горком партии — уютное большевистское гнездо в трехэтажном особняке. В центре площади попирал мраморный постамент несоразмерно короткими ногами чугунный Ленин — причина вдохновения нашей учительницы пения, древней, как и река, шарообразной скрипачки. На своих уроках эта целеустремленная дама постоянно и без зазрения совести использовала инструмент, от одного вида которого у многих начинали ныть зубы. Всякий раз наши мучения начинались с одного и того же ритуала: скрипачка осторожно вытаскивала из футляра, замки которого по-лакейски услужливо щелкали, деревянную, отливающую лаком коробочку, укладывала драгоценность на учительский стол, заставляя класс вздрагивать в предвкушении зубной боли, и следом с не меньшим материнским чувством доставала смычок. В кармане кофты мучительницы неизменно находился камертон; она отдавала его какому-нибудь ботану, тут же невольный помощник по ее просьбе услужливо будил металлическую загогулину. Прижав ко всем трем своим подбородкам лакированное сокровище и поймав «ля» второй струной, училка ловко настраивала на слух по чистым квинтам остальные струны, извлекала несколько флажолетов и, наконец, царственно кивала.

С первой парты я мог разглядеть всё: аппликатуру, позиции, подушечки указательного, средне-

го, безымянного и мизинца. До сих пор не понимаю, как это трясущееся желе своими пухлыми пальчиками могло производить столь тонкие звуки, однако песня про Ленина сопровождалась скрипичным визгом от начала и до конца:

Он пришё-о-о-ол с весенним цветом,
В но-о-очь морозную ушел...

Всё началось с чертовой скрипки. Четвертый класс, октябрь, те же виды за окнами: фабрики, трубы, бараки, желтое озерцо тургеневского парка и несуразный памятник. Скрипка сопровождала наш жалкий хор, подобно беспощадному конвоиру. После очередного испытания детских глоток (каждая фальшь замечалась, подвергалась разбору, за анализом следовало неизбежное: «А теперь с первого куплета — повторить») скрипачка «на минуточку» вышла. Впрочем, нет — величаво вынесла из класса свое колышущееся тело. Соучастница пыток — чудо с барочным завитком и царапиной в верхней части грифа, которую не задрапировала даже повторно нанесенная лакировка, само воплощение хрупкости и изящества — осталась лежать на столе. Скрипка словно издевалась над нами, выставляя напоказ свою незащитность. Однако никто из собравшегося в кабинете сброда, включая самых отчаянных, пока сопрано учительницы пения в школьном коридоре за полуоткры-

той дверью перемежалось с контральто завучихи, не смел и приблизиться к ней. Никто, кроме моего соседа по парте. Каким-то удивительным, сверхбыстрым образом переместившись к столу, наглец приложил ухо к эфе верхней деки и царапнул пальцем по струнам. Откликнулось мгновенно стихнувшее «ре», не замеченное в коридоре, где сопрано и контральто продолжали составлять несколько возбужденный дуэт. Операция повторилась теперь уже с «соль» малой октавы. Извлекаемая одинокие звуки, мой сосед вел себя словно дикий, блаженно припечатывая ухо к корпусу, — только что слюна не стекала. Каждое вырвавшееся «соль», «ре», «ля» вызывало в нем приступы тихого, присущего сумасшедшим восторга, убедительно доказывающего: и школы, и прозябавших в классе собратьев по несчастью, да и всего Вейска со всеми его пивными для экспериментатора более не существует. Пожалуй, впервые тогда я и заметил в нем особенность, которая исключительно раздражала впоследствии. Как только раздавались интересующие Слушателя звуки (неважно, прислушивался ли он к концерту Генделя или к реву простонародной гармонике), этот инопланетянин моментально абстрагировался от собеседника и вытягивался в струнку, всматриваясь в возникающее перед его взором нечто. Он не только терял всякую нить разговора — мы, стоящие рядом, вообще переставали для него существовать, рас-

творялись, отодвигались в иное пространство. По его физиономии расплывался поистине наркотический транс. Что он там разглядывал перед собой? В какие райские долины мгновенно перемещался? Не знаю, не ведаю, не могу вам ответить...

Далее случилось вот что: один из классных бузотеров, откровенный подонок, подкравшись к Слушателю, в очередной раз приложившему «раковину» к источнику музыки, с завидной профессиональностью уличного бойца сгрэб в свой кулак его короткий чуб и со всей бесшабашной силой треснул головой этого идиота о струнодержатель. Левое ухо Слушателя с запомнившимся мне на всю жизнь хлопнувшим звуком впечаталось в инструмент; верхняя дека хрустнула; щелкнула подставка; дуэт в коридоре затих. Секунда — бузотер как ни в чем не бывало оказался за партией, над которой он перед этим столь вдохновенно трудился, выпиливая перочинным ножом очередную зарубку. Влетевший в кабинет воздушный шар наполнился гневом праведным. Однако внимание класса было обращено отнюдь не на даму. Ухо лузера на глазах присутствующих увеличивалось в размерах, подобно раскрывающемуся мясистому тропическому цветку, — зрелище поистине завораживало.

Итак, скрипка была выведена из строя. Наша радость не поддавалась описанию. Разумеется, никто и слова не пикнул в защиту Слушателя на

следствии, затеянном язвенницей-директрисой, безутешной скрипачкой и учителем физкультуры, всеми способами стремящимся к алкоголизму. Попытки «тройки» добиться от нас правды изначально обрекались на провал: нож в кармане классного негодяя являлся отличным аргументом для закупорки истины. Сам обвиняемый предстал перед судьями не менее конченным трусом. Явившийся на процесс его отец, заплетающийся и ногами, и языком, настолько впечатлил педагогов, что вопрос с компенсацией тут же отпал.

Из разбирательств вытанцовывался единственный вывод: прогремевший по всем областным математическим олимпиадам местный Гаусс, виртуозностью своего ума вводящий нашего математика в какое-то подобострастное оцепенение, на уроке пения добровольно, в здравом уме и памяти сам хлопнулся о скрипку головой, желая проверить прочность обещаяк. Единственный отголосок этого происшествия — прилепившееся к Слушателю прозвище Большое Ухо, с коим он и влачил свое дальнейшее существование.

II

Еще одна вспышка памяти: наше с ним участие в одном из самых ненавидимых школьниками мероприятий — культпоходе в вейский Драматический.